

Tolstaâ, Svetlana M.

Профессор Ханна Поповска-Таборска : гармония науки и жизни (взгляд издалека)

Etnolingwistyka 23, 11-14

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Профессор Ханна Поповска-Таборска: гармония науки и жизни (взгляд издалека)

Жизнь человека и дело его жизни часто воспринимаются отдельно, а когда речь идет об ученом, то прежде всего, конечно, говорят о его вкладе в науку, о сферах его деятельности, о масштабе сделанного, о полученных им результатах и их влиянии на состояние и перспективы соответствующей области науки. При этом редко оценивается путь ученого, роль его личности в том, что он сделал, его биография, его отношения с жизнью, временем и судьбой. По словам Ю. М. Лотмана, «далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию» (имеется в виду не жизнеописание, а «связный текст» самой жизни) и, можно добавить, далеко не всегда жизнь и дело человека созвучны друг другу. Казалось бы, внешние обстоятельства, исторические события, столь жестко предопределявшие жизненный путь человека XX века, не оставляли ему почти никакого выбора, и очень многие от какого бы то ни было выбора отказывались. Но те, кто осмеливался выбирать, «слушали» свое время, осознавали свою судьбу и сознательно следовали ей. Такой мне представляется биография и жизнь в науке Ханны Поповской-Таборской.

Выбор ею славистики как области научных занятий и как дела всей жизни был, кажется, подготовлен самой жизнью, ее семейными корнями. С раннего детства в ее сознание вошли Вологда, где родилась ее мать, Киев, близ которого родился и где окончил университет отец, чешская деревня и потом Прага, куда семья бежала из немецкого лагеря, и много лет спустя – кашубская деревня, кашубские говоры и их архаизмы, побуждавшие к общеславянским размышлениям и сопоставлениям. Но это был сознательный выбор, которому она осталась верна на всю жизнь и которого не могли поколебать никакие перипетии и тяготы жизни. Верность – пожалуй, главное слово, определяющее жизненное кредо Ханны Поповской-Таборской. Это верность своему времени, своей семье, идеалам и стилю жизни польской интеллигенции межвоенного периода, верность выбранному пути, верность

людям, с которыми сталкивала жизнь. Ничто из прошлого ею не отброшено: довоенное детство, страшные военные годы, варшавское восстание, неустроенность послевоенных лет – все это навсегда осталось с ней и до сих пор питает ее духовную жизнь. Замечательны ее воспоминания о своем учителе проф. Здиславе Штибере, о своей коллеге и подруге с юных лет проф. Зузанне Тополинской, о первых годах работы в Академии и первых кашубских экспедициях. Из них встает образ исключительно цельной личности автора, который «дружен» с жизнью и выпавшим на его долю временем.

Это ощущение нераздельности науки и жизни, гармонии личности и творчества возникло с первых же моих встреч с Ханной Таборской и только укреплялось в последующем многолетнем общении. Летом 1978 года на каком-то высоком этаже Дворца культуры и науки в Варшаве в присутствии проф. Штибера мы говорили о полевой работе кашубского коллектива и наших экспедициях в Полесье и радовались чувству взаимопонимания и какого-то полевого славистического родства (вспоминаю, с каким увлечением проф. Штибер говорил о тараканах, когда я рассказала, что одна из моих коллег занимается насекомыми). Тогда же мне показали ценнейшую картотеку данных, используемых в качестве аргументов при решении вопроса о прародине славян, на основе которой позже была написана книга Ханны Таборской «Ранняя история славян в свете их языка». Потом было множество встреч – на конференциях в Польше, на съездах славистов, но также и за домашним столом – у нас в Москве на Ордынке и неоднократно в Варшаве, в гостеприимной квартире Ханны и Романа Таборских на улице Ивицкой и в других дружеских домах.

Задолго до личного знакомства я уже знала, что Ханна принадлежит к знаменитой польской славистической школе и по существу возглавляет работу над кашубским атласом. Мой муж Никита Ильич Толстой всегда говорил о Ханне Поповской-Таборской как о крупном и авторитетном слависте, и я не могла предположить, что когда-то нас будет связывать личная дружба. Много лет спустя мы вместе с Никитой Ильичем участвовали в книге, изданной к юбилею Ханны в 1996 году. Мы получили эту книгу в июне, в больнице, и это была последняя книга, которую Никита Ильич читал в свои последние дни. Так сплетается личное и научное и скрещиваются наука и жизнь.

Когда мы начинали свои полесские разыскания, из которых впоследствии вырос замысел общеславянского этнолингвистического словаря «Славянские древности», для нас служили вдохновляющим образцом такие крупные польские диалектологические предприятия, как планомерное изучение лексики Вармии и Мазур под руководством проф. В. Дорошевского и систематически организованные кашубские исследования под руководством

проф. З. Штибера и позже Х. Поповской-Таборской. При этом наш интерес к Полесью во многом был обязан довоенным польским трудам – книге Казимира Мошиньского «Восточное Полесье» и лексическому атласу Полесья и Мазовша его ученика Юзефа Тарнацкого.

В обширной библиографии научных трудов Ханны Таборской кашубская тематика не просто преобладает, она составляет главное содержание всего ее творчества: первые кашубские публикации появились в далеком 1955 году, а в 2010 году в журнале «Этнолингвистика-22» напечатана ее статья о ключевых понятиях кашубской традиционной картины мира – понятиях дома, работы, свободы и др. Между этими датами, разделенными более чем полувеком, сотни работ по фонетике, морфологии, лексике, фразеологии, этимологии, ономастике кашубских говоров. По существу и все остальное в ее трудах, все, что прямо не относится к кашубиане, выросло из кашубских штудий, из понимания исключительной важности кашубских данных для общеславянской перспективы. Трудно назвать какую-то другую область славистики, в которой было бы столько сделано на протяжении жизни одного поколения, как кашубские исследования. Усилиями небольшой группы ученых во главе с проф. З. Штибера и Х. Поповской-Таборской за сравнительно короткое время был создан с начала до конца (со сбора полевого материала до картографирования и издания) фундаментальный многотомный кашубский атлас, который стал базой целой серии разнообразных кашубских исследований как диалектологического, так и исторического характера Ханны Таборской и ее коллег, была воссоздана история формирования и нормализации кашубского литературного языка, были пересмотрены и уточнены многие языковые явления и процессы общеславянского значения. Велика роль Х. Поповской-Таборской в подготовке и издании богатейшего словаря Бернарда Сыхты, без которого уже немыслима работа этимологов, специалистов по сравнительной славянской лексикологии и даже исследователей народной культуры славян. И, наконец, венчает это грандиозное кашубское здание шеститомный этимологический словарь В. Борыся и Х. Поповской-Таборской – первый в славистике диалектный этимологический словарь. Это поразительный пример последовательности и систематичности в осуществлении намеченной цели, пример ответственности перед наукой и верности своему пути. Умение видеть конечную цель любого, даже малого дела, неуклонное требование доводить каждый замысел до воплощения и завершения – один из главных принципов научной морали Ханны Таборской.

Однако при всей серьезности отношения к науке и при всем чувстве ответственности ей как-то удается творить науку радостно, легко и весело, жизнеутверждающе, с любовью к предмету своих трудов, с доверием к их «адресатам», изящно и даже с чувством юмора. Это особый талант и искус-

ство, которому невозможно научиться и невозможно подражать. Сделанное Ханной Таборской и под ее руководством и все, что еще будет сделано, – ценнейшее достояние не только польской, но и всей славистической науки XX – начала XXI века, а для ее коллег и учеников огромную ценность представляет также личность ученого и весь опыт ее жизни и служения науке.

Многая лета, сил, здоровья и новых трудов!

Светлана М. Толстая